

*Е.А. Прусская**

**ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ:
ОПЫТ ЕГИПЕТСКОГО ПОХОДА 1798-1801 гг.
И ФРАНЦУЗСКОЕ ВТОРЖЕНИЕ В АЛЖИР 1830 г.**

Статья посвящена истории применения в ходе французского вторжения в Алжир 1830 г. опыта, накопленного за время Восточной экспедиции Наполеона Бонапарта, сравнению французской политики в Египте 1798-1801 гг. и в Алжире 1830-1834 гг. Автор исследует, каким образом участники Африканской кампании переосмыслили опыт Египетского похода, что из него использовали, а что отвергли. Анализируя административную и религиозную политику оккупационных властей и сопровождавшую ее пропагандистскую риторику, автор приходит к выводу о том, что обе кампании были тесно связаны: они являлись практическим применением идей Просвещения о цивилизационном превосходстве европейцев над жителями других частей земного шара. Египетский поход в определенном смысле послужил матрицей для завоевания Алжира в 1830 г., хотя далеко не всё из его опыта нашло применение в новой ситуации из-за изменившихся политических обстоятельств и специфики объекта завоевания.

Ключевые слова: Египетский поход 1798-1801 гг., завоевание Алжира 1830 г., Алжирский вопрос, колониализм

Две экспедиции

14 июня 1830 г. 37-тысячная французская армия генерала Л.-А. Бурмона высадилась на Алжирском побережье в районе Сидди-Фреджа. С этого дня для Франции и для Алжира началась новая эпоха, соединившая истории этих двух стран и завершившаяся только в 1962 г. с обретением Алжиром независимости. Однако в 1830 г. никто во Франции или Османской империи, частью которой номинально был Алжир, не мог предвидеть столь далеко идущие последствия французского вторжения. Ведь тридцатью двумя годами ранее французы уже пытались покорить другую североафриканскую провинцию Ближневосточной Порты – Египет, но

**Евгения Александровна Прусская, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВИ РАН, доцент ГАУГН.*

Работа выполнена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках госзадания Минобрнауки России (проект № 33.1221.2017/ПЧ).

потерпели неудачу¹. Хотя предпринятая Наполеоном Бонапартом Восточная экспедиция 1798-1801 гг. завершилась крахом и после трех лет оккупации Египет французами был утрачен, приобретенный тогда опыт они использовали при подготовке вторжения в Алжир и в ходе самого его завоевания.

Исследовательница из университета Айовы Дженнифер Сэйнс считает, что широкомасштабная экспедиция в Алжир 1830 г. была наследием Революционного периода и эпохи Наполеона, с чем трудно не согласиться². Действительно, за 15 лет режима Реставрации Бурбонов это была их первая крупная военная кампания, и современники прямо проводили параллели между ней и Египетским походом Бонапарта. Готовясь к вторжению в Алжир, Бурмон читал переписку Бонапарта с Директорией³. Он желал, чтобы отплытие Африканской экспедиции было назначено на 15 мая день, когда войска и флот Наполеона отправились в Египет⁴. В обращении к армии Бурмон напомнил о блистательной победе французов при Гелиополисе над многократно превосходившими их османскими войсками⁵. В свою очередь, участник экспедиции А.М. Перро называл солдат Африканской армии достойными наследниками героев битвы у Пирамид⁶. Хотя сам Бурмон в Египте не был, он успел послужить под началом Наполеона, от которого и получил генеральское звание. Его же преемник, возглавивший Африканскую армию в конце 1831 г., генерал Савари и вовсе лично участвовал в Египетском походе в качестве адъютанта генерала Дезе.

Более того, при планировании кампании в Алжире был использован не только опыт Египетского похода, но и сведения, собранные Винсентом-Ивом Бутеном, которого Наполеон в 1808 г. посылал со шпионской миссией в Алжир. Агент имел задание произвести рекогносцировку для будущего вторжения, поскольку император французов и после Египетской неудачи не оставил

¹ Хотя Наполеон потерпел поражение, горечь этой неудачи подсластил его приход к власти во Франции сразу же по возвращении из Египта, а также открытие для европейцев древнеегипетской культуры, вызвавшее настоящую волну египтомании среди современников, из-за чего Восточная кампания зачастую воспринималась в весьма романтическом свете.

² *Sessions J.E.* By Sword and Plow: France and the Conquest of Algeria. Ythaca (N.-Y), 2011. P. 8

³ *Nettement A.* Histoire de la conquête d'Alger; écrite sur des documents inédits et authentiques, suivie du Tableau de la conquête de l'Algérie. P., 1856. P. 258.

⁴ *Rozet C.A.* Relation de la guerre d'Afrique pendant les années 1830 et 1831. P., 1832. P. 49.

⁵ *Ibid.* P.310.

⁶ *Perrot A.-M.* La conquête d'Alger, ou Relation de la campagne d'Afrique. P., 1830. P.2.

идеи приобрести какой-либо из важных торговых пунктов на североафриканском побережье. Но тогда этот план не был реализован⁷.

Если Наполеон Бонапарт сразу же намеревался превратить Египет в колонию Франции (а затем размышлял о возможности подобного предприятия в Алжире), то у правительства Бурбонов не было ясного представления о долгосрочных целях высадки в Алжире. Очевидно, стремясь отвлечь население от нарастающего внутреннего кризиса и завоевать популярность у подданных путем успешной военной кампании, правящая династия решила применить самую что ни на есть наполеоновскую тактику ввязаться в бой, а потом уже решить, что делать с покоренной территорией. 5 июля 1827 г. французские войска вошли в столицу страны город Алжир. Местный правитель, дей⁸ Хусейн, был низложен и вместе с другими представителями османской элиты выслан за рубеж. Впрочем, вскоре после падения его власти династия Бурбонов также лишилась трона: во Франции произошла Июльская революция 1830 г.

Истоки франко-алжирского конфликта, ставшего поводом для вторжения, также уходили в эпоху Революции. При Директории, в частности во время Итальянского и Египетского походов Наполеона Бонапарта, алжирская торговая компания Бушнак и Бакри снабжала Французскую республику и ее армию зерном. Долг в 7 или 8 млн. франков за эти поставки так и не был выплачен Алжиру ни Директорией, разорвавшей с ним дипломатические отношения, ни Империей, когда эти отношения наладились, ни правительством Реставрации, поскольку Бурбоны не намеревались считать себя наследниками долгов революционных правительств⁹. В результате, когда дей Алжира 29 апреля 1827 г. в очередной раз потребовал от французского консула П. Деваля выплатить причитающуюся сумму, случился знаменитый «удар веером»: разгневанный правитель Алжира ударил французского представителя своим опахалом, что было расценено во Франции как оскорбление самому государству и лично королю. Именно этот инцидент

⁷ Текст рапорта Бутена: *Nettement A.* Op. cit. P. 640-657. Подробнее о нем см.: *Marchioni J. Boutin: pionnier de l'Algérie française, le "Lawrence" de Napoléon, espion à Alger et en Orient: essai biographique.* Nice, 2007.

⁸ Во главе Алжира стоял дей (*турец.* «дядя»), который выбирался верхушкой алжирской элиты на три года и номинально утверждался Стамбулом, хотя и проводил абсолютно независимую от Порты внешнюю политику.

⁹ *Ruedy J. Modern Algeria.* Bloomington, 1992. P. 45-46.

и был использован как предлог для морской блокады Алжира в том же году, затем – для его бомбардировки с моря, а спустя три года и для вторжения в него Африканской армии.

Характерной чертой Египетской экспедиции был большой штат ученых и художников, перед которыми стояла задача изучить страну и фиксировать различные стороны ее жизни. В Алжирской кампании также участвовали художники, «страстно желающие, сопровождая армию, изучить малознакомую страну»¹⁰, хотя столь большого и организованного корпуса ученых, как тридцатью годами ранее в Египте, а Алжире не было.

Эти две кампании Восточная и Африканская – были тесно связаны, однако опыт Египетской кампании не копировался слепо, а был переосмыслен в применении к новым реалиям. В обеих кампаниях есть как сходство, так и различие. Данная статья посвящена раннему этапу покорения Алжира 1830-1834 гг. в сравнении его с Египетским походом.

Объект завоевания

Египет и Алжир, несмотря на географическую близость и принадлежность к Османской империи, представляли собой, по сути, два разных мира. Несмотря на то, что Египет фактически находился в руках мамлюков¹¹, он был теснее связан со Стамбулом, нежели магрибинские владения султана. Правители арабского Запада вели самостоятельную внешнюю политику, а европейцы вообще называли их владения «королевствами»¹². Политические и общественные структуры обеих стран также различались. В отличие от Египта, Алжир управлялся не присланным из Стамбула губернатором (хотя и в Египте это была лишь номинальная фигура), а фактически представлял собою выборную монархию. Алжирский дей избирался верхушкой местного общества – янычарами и

¹⁰ *Nettement A.* Op.cit. P. 290-291.

¹¹ Мамлюки – социальный слой белых невольников, которых закупают для несения военной службы еще в эпоху Фатимидов (969–1171) и Айюбидов (1171–1250). Захватив в 1250 г. власть в стране, мамлюки организовали собственную систему управления, которая просуществовала вплоть до османского завоевания Египта в 1517 г. С кризисом власти османов в XVIII в. мамлюки вновь сосредоточили управление Египтом в своих руках.

¹² При этом население и Египта, и Алжира относилось к османскому султану с большим пиететом и уважением. См.: *Прусская Е.А.* Французская экспедиция в Египет: взаимное восприятие двух цивилизаций. М., 2016. С. 154. *Clancy-Smith J. A.* Rebel and Saint Muslim Notables, Populist Protest, Colonial Encounters (Algeria and Tunisia, 1800-1904). Berkeley, 1994. P. 75-76.

пиратами¹³. Большое количество арабских и кабилских племен, находившихся между собой в довольно сложных отношениях; многочисленные религиозные братства (тарикаты)¹⁴; этническое различие между городским и сельским населением – всё это определяло ярко выраженную специфичность алжирского общества¹⁵.

Образ обеих стран также различался в глазах европейцев¹⁶. Уже с начала XVIII в. те проводили различия между мусульманами Магриба (арабского Запада) и Машрика (арабского Востока): первые воспринимались ими как народы, несомненно, более варварские¹⁷. Египет и Сирия были более знакомы и понятны французам в силу давних торговых и политических связей с ними, а также наличия там значительной доли христианского населения. Алжир же европейцы посещали куда реже, хотя французские торговые интересы там тоже были представлены: с XVI в. в стране постоянно пребывал французский консул. В XVIII в. франко-алжирская торговля интенсифицировалась. Французские торговцы даже получили ряд привилегий: их корабли, заходившие в гавань Алжира, не досматривались; им также гарантировалась защита от пиратов¹⁸. Однако дей Алжира проводил не столь гибкую и более дерзкую политику, чем его соседи, что, по мнению историка Энн Томсон, и послужило тому, что из всех стран Магриба именно Алжир имел наиболее негативную репутацию в общественном мнении европейцев накануне вторжения 1830 г.¹⁹

Хотя европейцы описывали жителей Египта и Сирии как невежественных и диких, население Алжира считалось ими еще более варварским и самым отсталым на всем североафриканском побережье. Если на ментальных картах европейцев Египет помещался на Востоке, то Алжир причислялся к Африке, население которой с точки зрения европейцев находилось на низшей ступени развития. Как отмечает Э. Томсон, «ориентализация» Алжира, то есть упоминание об этой территории как о Востоке, началась только

¹³ См. *Видясова М.Ф.* Социальные структуры доколониального Магриба. Генезис и типология. М., 1987. С.195-215.

¹⁴ О них см.: *Дьяков Н.Н.* Мусульманский Магриб. Шерифы, тарикаты, марабуты в истории Северной Африки. Средние века, новое время. СПб., 2008.

¹⁵ Подробнее см. *Видясова М.Ф.* Указ. соч.

¹⁶ *Thomson A.* Barbary and enlightenment. European attitudes towards the Maghreb in the 18th century. Leiden, 1987.

¹⁷ *Ibid.* P. 45.

¹⁸ История Алжира в новое и новейшее время. М., 1992. С. 21.

¹⁹ *Thomson A.* Op. cit. P. 123.

с французским вторжением²⁰. Характерно, что высадившаяся в Египте в 1798 г. французская армия называлась «Восточной», а вторгшаяся в 1830 г. в Алжир – «Африканской». Примечательно, что нередко европейцы упоминали об Алжире как о бывшей провинции Римской империи, представляя его, таким образом, как часть Европы, захваченную мусульманами²¹. Заметим, что Египет также когда-то входил в Римскую империю, однако в отношении него французы подобных параллелей не проводили. Сходство двух кампаний проявилось в ином: накануне и во время покорения Алжира французы репрезентировали себя как наследников римлян²², а накануне и во время Египетского похода как наследников древнеегипетской цивилизации²³.

Эти особенности двух стран, ставших объектом завоевания, и специфика их восприятия французами во многом и обусловили действия оккупантов в каждой из них.

Административная политика

Наполеон Бонапарт планировал сделать Египет французской колонией и изначально решил наладить сотрудничество с мусульманским большинством местного населения, создав иллюзию привлечения его представителей к управлению страной. Бурбоны же не успели принять каких-либо решений относительно создания французской администрации в покоренном Алжире. Новое правительство Луи-Филиппа также испытывало сомнения насчет этого приобретения: стоит ли эвакуировать войска оттуда или продолжать завоевание страны, тем более что подконтрольная оккупантам территория постепенно увеличивалась.

В 1834 г. парламентская комиссия, изучавшая с 1833 г. ситуацию в Алжире и констатировавшая фактическую неудачу в организации французского управления оккупированными территориями, пришла, тем не менее, к выводу, что из соображений престижа французы должны остаться в этой стране²⁴. И только в 1834 г. Луи-Филипп, по совету военного министра Н. Сульта, решил по-

²⁰ Ibid. P. 52.

²¹ Ibid. 42-43.

²² Ibid. P. 43-44.

²³ Laurens H. Orientales I. Autour de l'expédition d'Égypte. P. 2004. P. 37.

²⁴ Procès-verbaux et rapports de la Commission nommée par le Roi, le 7 juillet 1833, pour aller recueillir en Afrique tous les faits propres à éclairer le gouvernement sur l'état du pays et sur les mesures que réclame son avenir. P., 1834.

ставить точку в этом вопросе, распорядившись основать в Алжире военную колонию. Королевский указ от 22 июля 1834 г. определил структуру французской администрации в Алжире во главе с генерал-губернатором, подчиненным военному министру, и гражданским интендантом. По сути, все три года до того (как раз срок былой оккупации Египта) на завоеванной французами территории фактически не велось никакой планомерной политики, в том числе по отношению к местному населению. Из-за неопределенности с «Алжирским вопросом» расквартированные там военные были предоставлены сами себе, а их командование принимало решения исключительно ситуативного характера.

В Египте Наполеон Бонапарт постарался сохранить структуру османских органов управления и видимость их функционирования. Он не упразднил традиционный орган власти – диван, но включил в него, наряду с представителями арабской элиты – улама²⁵, французов и местных христиан, что было не характерно для Османского Египта. Конечно, все решения принимала оккупационная администрация, но существование дивана должно было легитимизировать власть французов. Главнокомандующий Восточной армией выказывал подчеркнутое уважение к улама как блюстителям традиций и весьма авторитетной группе египетского общества.

В начальный период оккупации французами Алжира диван не действовал, поскольку местная политическая элита была выслана из страны, однако оккупантами были созданы муниципальные советы из представителей местного населения, в основном мавров²⁶. Так, мэрию Алжира возглавил коммерсант Ахмед Бударба, владевший французским языком. В отличие от Египта, французы не делали в Алжире ставку на улама, предпочитая взаимодействовать не с религиозными деятелями, а с городской элитой, что было обусловлено особенностями социальной структуры страны. Тем не менее, и здесь оккупанты старались наладить сотрудничество с местным населением для укрепления своей власти. Однако в период неопределенности с «Алжирским вопросом» главнокомандующие Африканской армией принимали порою весьма противоречивые решения, что лишь усиливало и без того настроенное

²⁵ Улама - ученые богословы, знатоки права, хранители религиозной традиции. Подробнее о них см.: Кириллина С.А. Исламские институты Османского Египта в XVIII – первой трети XIX века. Lewiston; Queenston; Lampeter, 2000. С. 136-137, прим. 2-3.

²⁶ Collection des actes du gouvernement depuis l'occupation d'Alger jusqu'au 1er octobre 1834. P., 1843. P. 76.

и неприязненное отношение местного населения к французам²⁷. Например, приказом главнокомандующего Африканской армии Б. Клозеля от 7 января 1831 г. был упразднен пост арабского аги, игравшего в османский период важную роль в администрации. Уже 18 февраля 1831 г. этот пост был восстановлен, поскольку именно ага выполнял функции посредника между оккупантами и шейхами племен, так же как в османское время он выступал посредником между центральной властью в провинции Алжир и шейхами. Более того, вскоре штат служащих аги был расширен и его финансирование увеличено²⁸. Очевидно, Клозель быстро осознал важность фигуры аги во взаимоотношениях с мусульманским населением. Штат служащих аги в 1832 г. был назван «Арабским кабинетом», а в 1833 г. переформирован в «Особое бюро по арабским делам», став прообразом учрежденных декретом 1844 г. административных органов – *bureaux arabes*. Со временем последние полностью поменяли свою суть: если изначально «Арабский кабинет» аги, состоявший из жителей Алжира, служил связующим звеном между военными и местным населением, то возглавляемые французами арабские бюро стали одним из главных инструментов колонизации.

Во время обеих кампаний французы практиковали сотрудничество с местным населением не только в административной сфере, но и в военной. В Алжире в 1830 г. были созданы отряды легкой пехоты зуавов²⁹, а в 1831 г. конной милиции спахи³⁰. Впрочем, дезертирство местного населения из этих частей было, очевидно, повсеместным, поскольку уже в октябре 1830 г. при каждом батальоне зуавов был создан военный совет для рассмотрения случаев дезертирства и применения к виновным наказания в соответствии с французским Уголовным кодексом³¹. Дезертирство из батальонов зуавов объяснялось непопулярностью среди мусульман сотрудничества с оккупантами-иноверцами, поэтому неудивительно, что, сохранив арабское название, этот род войск в течение десятилетия стал практически полностью французским³².

²⁷ Procès-verbaux et rapports... P. 334-335.

²⁸ Collection des actes... P. 85.

²⁹ Название этому роду войск дало племя зуайя, изъявившее готовность сотрудничать с французами. См.: Montagnon P. L'armée d'Afrique: de 1830 à l'indépendance de l'Algérie. P., 2012. P. 15-17.

³⁰ Collection des actes... P. 322-323.

³¹ Ibid. P. 17.

³² Montagnon P. Op. cit. P. 18.

Политика привлечения оккупантами местных жителей на военную службу повторяла опыт Восточной армии в Египте. Там на службу к французам поступали мамлюки, а один из их лидеров Мурад-бей и вовсе стал в 1800 г. французским наместником в Верхнем Египте. В Египте командование Восточной армии формировало также подразделения из магрибинцев и христиан.

И в Египте, и в Алжире французам приходилось иметь дело с племенами и их старейшинами – шейхами. В отношении них применялось как военное устрашение, так и политика привлечения на свою сторону. Например, ожесточенно сражавшийся против французов в египетской Дельте влиятельный шейх Хасан Тубар, в конце концов, встал на их сторону, хотя сегодня египтяне и чтят его как одного из лидеров антифранцузского сопротивления³³. Абд аль-Кадир³⁴ также не вел с оккупантами непрерывную войну, а предпочитал мир, выгодный обеим сторонам. Подобные политические союзы с «неверными» заключали и куда менее известные шейхи племен: это было характерно для обеих рассматриваемых нами стран, подвергшихся французскому вторжению. Как отмечает историк из Университета Аризоны Джулия Клэнси-Смит, ответ магрибинских элит на оккупацию состоял не только в объявлении джихада, но и в других действиях, в том числе – поиске компромисса с оккупационным режимом³⁵. Алжирские элиты заняли во многом выжидательную позицию, ведь ранее европейцы уже имели отдельные анклавные территории Магриба, но не раз таковые оказывались временным образованием, и вторжение французов также было воспринято в этом контексте³⁶.

Если шедшие на военную службу к оккупантам местные жители во многом руководствовались соображениями материальной выгоды, а религиозные меньшинства в Египте тяготели к единоверцам-оккупантам в силу своего традиционно подчиненного положения по отношению к мусульманскому большинству, то действия элит в каждой из этих стран имели особые мотивы. Сотрудничество улама в Египте с французами носило скорее вы-

³³ Подробнее см.: Прусская Е.А. Антифранцузское движение протеста в Египте 1798-1801 гг. // ФЕ 2016: Протестные движения в эпоху Французской революции и первой империи. М., 2016. С. 130-131.

³⁴ Абд аль-Кадир (1808-1883) – лидер религиозного братства Кадырийя, объявивший джихад французам и создавший свое государство на большей территории северо-запада Алжира (1832-1847). Почитается как национальный герой Алжира.

³⁵ Clancy-Smith J. A. Op. cit. P. 4.

³⁶ Ibid. P. 71.

нужденный характер, и рассматривалось самими учеными мужами как способ оказать хоть какое-то влияние на сложившуюся ситуацию³⁷. Алжирцы, вошедшие во французскую администрацию, также питали надежду таким образом повлиять на предстоявшие изменения в стране, хотя и по-разному видели будущее Алжира³⁸.

Если сначала и в Египте, и в Алжире французы старались кардинально не разрушать традиционные социальные структуры, чтобы не оттолкнуть от себя местное население, то религиозная политика завоевателей в каждой этих стран носила свой особый характер.

Религиозная политика

Наполеон Бонапарт пришел в Египет на волне революционных событий, когда молодая Французская республика постепенно расширяла свое политическое и идеологическое влияние на сопредельные регионы. Потрясения революционных лет, радикальные эксперименты в области государственного устройства и социальных отношений породили глубокие изменения в общественном сознании французов, уже не удивлявшихся тому, что те или иные сугубо прагматические меры могут иметь самое причудливое пропагандистское сопровождение. Поэтому, когда в стране пирамид молодой генерал Бонапарт заявил о приверженности французов исламу и любви к религии последователей Мухаммада³⁹, ни у кого в Восточной армии это не вызвало вопросов, отторжения или неприятия. Наоборот, подобные демагогические заявления были встречены военными и учеными с пониманием, а порою даже с восхищением как тонкая военная хитрость⁴⁰.

С возвращением же Бурбонов в государственной идеологии Франции вновь возобладали христианские мотивы. Реставрация подняла на щит прежние принципы французской монархии, одним из важнейших среди которых являлось религиозное благочестие. Да и в целом для постреволюционной Европы был характерен всплеск религиозности, особенно в связи с возникновением Священного союза после Венского конгресса. В 1827 г. француз-

³⁷ Подробнее см. *Кириллина С.А.* Указ. соч. С. 213-255.

³⁸ *Ghezzi A.* Trois réactions « algériennes » sur l'avenir de l'Algérie, 1830-1834 // *Insaniyat. Revue algérienne d'anthropologie et de sciences sociales.* 2014. Juillet-Décembre. № 65-66: Algérie 1962. P. 187-210. [Электронный ресурс]. URL: <https://insaniyat.revues.org/14862> (Дата обращения: 01.08.2017)

³⁹ *Абд Ар-Рахман Ал-Джабарти.* Египет в период экспедиции Бонапарта (1798-1801) / Пер., предисл. и прим. И.М. Фильштинского. М., 1962. С. 55.

⁴⁰ *Прусская Е.А.* Французская экспедиция в Египет. С. 154.

ский военный министр А.М. Клермон-Тоннер, обосновывая королю необходимость вторжения в Алжир, писал в частности о том, что победа над турками будет с благодарностью воспринята христианским миром⁴¹.

Естественно поэтому, что ни режим Реставрации, ни даже пришедшая ему на смену более либеральная Июльская монархия, не могли себе позволить использовать в Алжире квази-исламскую риторику, как это делал в Египте Бонапарт. Более того, вторжение в Алжир воспринималось консервативной частью публики того времени как новый крестовый поход, призванный вернуть в эти земли христианство⁴². На протяжении всего завоевания Алжира христианский мотив в обосновании этого вторжения, напрочь отсутствовавший в пропаганде Наполеона Бонапарта, только усиливался. Если в самом начале оккупации его старались не акцентировать, чтобы не обострять и без того напряженные отношения с мусульманским населением, то уже в 1832 г. одну из мечетей Алжира переделали в католический храм, а в страну стали прибывать христианские миссионеры⁴³.

В заключенном с деем соглашении о капитуляции главнокомандующий Африканской армии Бурмон гарантировал мусульманам свободу отправления культа и неприкосновенность собственности⁴⁴. Однако из-за непоследовательной политики французских властей в Алжире в 1830-1834 гг. и фактической бесконтрольности действий армии эти и многие другие условия капитуляции повсеместно нарушались: недвижимое имущество изымалось, мечети использовались не по назначению, кладбища разрушались⁴⁵. Впрочем, нечто подобное происходило в свое время и в Египте, несмотря на религиозную демагогию Наполеона Бонапарта: мечети и другие культовые сооружения осквернялись или уничтожались французами либо в наказание местному населению (как было с соборной мечетью аль-Азхар после Первого каирского восстания), либо с

⁴¹ Le rapport du Marquis de Clermont Tonnerre, ministre de la Guerre sur une expédition à Alger (1827). Extrait de la Revue Africaine (N 340-341 – 3e et 4e trimestres 1929). Alger, 1929. P. 11.

⁴² См. *Brower B.C.* Just war and Jihad in French conquest of Algeria // *Just Wars, Holy Wars, and Jihads: Christian, Jewish, and Muslim encounters and exchanges* / Ed. by Sohail L. Hashmi. N.-Y., 2012. P. 224.

⁴³ *Pichon L.-A.* Alger sous la domination française, son état présent et son avenir. P., 1833. P. 129.

⁴⁴ Текст прокламации см.: *Collection des actes...* P. 1-3.

⁴⁵ *Procès-verbaux et rapports...* P. 334-335.

какими-либо другими целями, например, при строительстве укреплений или городском благоустройстве. Имущество религиозных и благотворительных учреждений – вакфы, которые Бонапарт сначала объявил неприкосновенным, облагалось налогами, а доходы с них изымались, чтобы пополнить казну Восточной армии⁴⁶. Французское командование в Алжире поступало аналогичным образом: доходы от вакфов шли на другие нужды, что вызывало недовольство мусульман⁴⁷. Традиционные суды кади, также как и в Египте тридцатью годами ранее, были сохранены, однако система традиционного мусульманского образования в Алжире постепенно разрушалась французами⁴⁸.

Таким образом, за тридцать лет, разделяющих две кампании, религиозная риторика французов стала совершенно иной, хотя нередко методы осуществления политики в отношении ислама оставались теми же.

Инструменты пропаганды

Восточная армия привезла с собой в Египет печатный пресс и арабские литеры, благодаря чему среди местного населения сразу начали распространяться многочисленные копии прокламации с объяснением причин французской высадки в стране. Текст ее составил лично Бонапарт, утверждавший в ней, что мамлюки издавна притесняли французских купцов и самим египтян, а потому главная цель французов освободить жителей страны от гнета этих «тиранов»⁴⁹. В Алжире генерал Бурмон также использовал подобную риторику: главным виновником французского вторжения был объявлен алжирский дей-«тиран», оскорбивший «французского султана». Сходство двух прокламаций бросается в глаза: Бурмон явно вдохновлялся текстом воззвания Бонапарта⁵⁰. Обе начинаются с характерного для ислама восхваления Бога: у Бонапарта – традиционная формула «Во имя Бога милостивого, милосердного. Нет бога, кроме Аллаха»; у Бурмона – «Во имя Бога-создателя и воскресителя, которому мы поклоняемся».

⁴⁶ Кириллина С.А. Указ. соч. С. 233.

⁴⁷ Procès-verbaux et rapports... P. 414.

⁴⁸ Clancy-Smith J.A. Op. cit. P. XIII.

⁴⁹ Текст прокламации см.: 'Абд Ар-Рахман Ал-Джабарти. Указ. соч. С. 54-56.

⁵⁰ Текст прокламации и перевод на французский язык: Proclamation en arabe adressée par le Général Bourmont, général en chef de l'expédition, aux habitants de la ville d'Alger et des tribus en juin 1830 / Tr. par M. Bresnie // Revue Africaine. Bulletin de la Société Historique Algérienne. 1862. № 32. P. 150-156.

Однако прокламация Бурмона, в отличие от текста Бонапарта, не содержала религиозной демагогии. Если Бонапарт уверял, что «французы – истинные мусульмане», а сам он больше, чем мамлюки, почитает «пророка и великий Коран», то Бурмон лишь констатировал, что ничто не помешает отправлению культа мусульманами. Тем не менее, авторы обеих прокламаций постоянно апеллировали к авторитету Всевышнего.

Оба главнокомандующих армиями утверждали, что единственная их цель – освободить местное население от власти притеснявших его тиранов. В Египте такими узурпаторами объявлялись мамлюки, в Алжире дей. Примечательно, что мысль о несправедливости сложившейся ситуации, когда узурпаторы-правители богаты, а все остальное население бедно, в обеих прокламациях изложена практически одинаково:

Бонапарт: «Мамлюки бесконечно далеки от всего, что составляет разум и человеческое достоинство. Что же так отличает их от других людей, что дает им исключительное право владеть Египтом и всем лучшим, что есть в стране: прекрасными рабынями, чистокровными конями, роскошными жилищами? Если египетская земля является поместьем мамлюков, то пусть они нам покажут документ на право владения, который написал бы для них Бог».

Бурмон: «Неужели вы не видите, что он [дей] стремится только к разрушению вашей страны, к потере вами вашей собственности и людей. Мы знаем, что его единственное желание сделать вас бедными и несчастными и даже более презренными, чем те, кого постигло божественное проклятие. Неужели вы не видите, что ваш Паша заинтересован только в собственных благах и, как доказательство этого, самые хорошие земли, лошади, оружие, одежды и удовольствия предназначаются только для него».

И Бонапарт, и Бурмон обещали местным жителям, что освобождение от тиранов приведет людей к процветанию, и предупреждали, что судьба тех, кто попытается оказать сопротивление французам, будет печальна. Бонапарт: «Горе тем, которые станут на сторону мамлюков и будут сражаться против нас. Не найдут они после этого пути к спасению и бесследно исчезнут». Бурмон: «Если вы будете враждебно противиться нам, то вы все до последнего погибнете». Очевидно, что, по мнению французов, написанные на арабском языке и развешанные по городу подобные прокламации должны были успокоить местных жителей.

Однако печатный пресс требовался не только для тиражирования прокламаций к населению покоряемых стран. Он также служил для издания армейских газет, являвшихся мощным пропагандистским инструментом, который Бонапарт успешно использовал еще во время Итальянской кампании⁵¹. В Египте газета *Courrier de l'Égypte* выпускалась для военнослужащих Восточной армии. Предполагалось также издание газеты на арабском языке, но эта идея не была осуществлена⁵².

По свидетельству Л.-А. Пишона, первого гражданского интенданта в Алжире, перед отправкой к берегам Африки Э.-Ф. Жомар, участник Египетского похода и член Института Египта, обратил его внимание на необходимость издания в Алжире журнала на французском и арабском языках, дабы расположить к себе местное население⁵³. В результате, опыт издания французской прессы в покоренной североафриканской стране был повторен и на алжирской земле: в самом начале кампании увидели свет два номера журнала для армии *Estafette d'Alger*. С января же 1832 г. стал выходить *Moniteur algerien*, который старались издавать на двух языках. С лета того же года он стал официальным журналом колонии⁵⁴.

Таким образом, схожими в обеих кампаниях были не только пропагандистские приемы, но и методы их применения.

Насилие и цивилизационный дискурс

Как уже отмечалось выше, в прокламациях прямо указывалось, что любое сопротивление местного населения будет караться завоевателями. А поскольку местные жители такое сопротивление оказывали, методом его подавления в обеих странах стало жестокое насилие. Хотя французы считали себя просвещенными и цивилизованными людьми, а египтян и алжирцев – невежественными варварами, методы обращения французов с покоряемыми народами были отнюдь не гуманными: причем это насилие по отношению к местным жителям носило с целью устрашения показательный характер. Бонапарт приказывал своим подчиненным рубить головы и обращаться с местными жителями как можно более жестоко:

⁵¹ Hanley W. The genesis of Napoleonic propaganda, 1796-1799.[Электронный ресурс]. URL: <http://www.gutenberg-e.org/haw01/index.html> (Дата обращения 01.08.2017).

⁵² Wassef S.A. L'information et le presse officielle en Égypte. Le Caire, 1975. P. 109-119.

⁵³ Pichon L.-A. Op. cit. P. 123.

⁵⁴ Fiori H. Bibliographie des ouvrages imprimés à Alger de 1830 à 1850. Genève, 1998. P. 23-25.

«Каждый день здесь отрубают по три головы и проносят их по Каиру: это единственный способ подчинить себе этих людей»⁵⁵. Считая, что дикие и жестокие, по мнению французов, восточные люди и африканцы понимают только язык якобы привычного им насилия, оккупанты старались следовать этим стереотипам на практике. Как отмечает британский историк Уильям Галлуаз, в Алжире жестокость, проявлявшаяся военными Африканской армии, имела символический смысл: это был выбранный оккупантами метод коммуникации с местными жителями, поэтому французы перенимали местные практики насилия, не характерные для Европы⁵⁶. На оккупированные французами территории Египта и Алжира не распространялись европейские законы, поэтому, заявляя, с одной стороны, о варварстве местного населения, французы сами использовали методы, считавшиеся среди просвещенных европейцев варварскими, но вполне подходившие, с их точки зрения, для местного населения. В период Египетского похода это не всегда встречало понимание в армии, хотя случаи подобного когнитивного диссонанса были скорее исключением⁵⁷. В период Алжирской кампании в обществе также возникали вопросы относительно обоснованности подобных действий, однако все они оправдывались высокой целью французов⁵⁸. Как отмечает Галлуаз, ставшие обыденными для Африканской армии случаи массовых убийств населения не воспринимались французами как нечто из ряда вон выходящее. Они не освещались в прессе, а в воспоминаниях участников для их описания использовались эвфемизмы⁵⁹.

Используя жестокие способы подчинения местного населения, французы в то же время считали себя носителями прогресса. В эпоху Просвещения сформировались основы идеологии культурного превосходства европейцев над другими народами, а потому и Египетский поход, и Алжирская кампания рассматривались их участниками как благородная миссия распространения цивилизации в отсталых странах. И Бонапарт, и Бурмон в обращении к солдатам подчеркивали всемирную значимость предпринятого французами. «Вы собираетесь совершить завоевание, эффект от

⁵⁵ Бонапарт – генералу Зайончеку, 12 термидора VI года (30 июля 1798) // *Napoleon Bonaparte. Correspondence générale*. Vol. 2. P. 222.

⁵⁶ Gallois W. *A History of Violence in the Early Algerian Colony*. Basingstoke, 2013. P. 82.

⁵⁷ Прусская Е.А. Французская экспедиция в Египет. С. 149-150.

⁵⁸ Brower B.C. *Op. cit.* P. 231.

⁵⁹ Gallois W. *Op. cit.*

которого для мировой цивилизации и торговли неоценим», писал Бонапарт⁶⁰. «Цивилизованные нации двух миров смотрят на вас», подчеркивал Бурмон⁶¹.

Участники Египетского похода были исполнены осознания важности своих усилий по приобщению жителей страны к европейским нравам, хотя и отмечали трудность этой затеи⁶². В ранние годы завоевания Алжира французы также задавались вопросом о том, можно ли вообще приобщить к европейской культуре местных жителей. Ответ, данный Королевской комиссией в отчете 1834 г., гласил, что это практически невозможно, а потому был сделан вывод о том, что «агентами колонизации» местные жители стать не смогут, и эту роль должны играть европейцы, которые станут опорой французского режима, почему и необходимо стимулировать их приток в колонию⁶³.

Активная европейская колонизация с первых лет французского нахождения в Алжире отличала эту кампанию от Египетской, но Египет в период французской оккупации находился в английской блокаде, а потому вопрос о привлечении колонистов из Франции непосредственно в практическую плоскость не ставился.

Заключение

Египетский поход 1798-1801 гг. и вторжение в Алжир в 1830 г. были неразрывно связаны между собой. То и другое представляло собою попытку реализации на практике идей Просвещения о цивилизационном превосходстве европейцев над жителями других регионов земного шара. Египетский поход в определенном смысле стал матрицей для завоевания Алжира 1830 г., хотя далеко не всё из его опыта нашло применение в новой ситуации из-за изменившихся политических обстоятельств и специфики объекта завоевания. И, тем не менее, в начальный период Алжирского покорения можно видеть немало параллелей с Египетским походом.

⁶⁰ Bourrienne L.-A. Mémoires de Bourrienne sur Napoléon, le Directoire, le Consulat, l'Empire et la Restauration. Vol.3. P., 1829. P. 77.

⁶¹ Rozet C.-A. Op. cit. P. 47.

⁶² Прусская Е.А. Французская экспедиция в Египет. С. 129, 133-134.

⁶³ Collection des actes... P. 371.

Список литературы

- Bourrienne L.-A.* Mémoires de Bourrienne sur Napoléon, le Directoire, le Consulat, l'Empire et la Restauration. Vol.3. Paris: Ladvocat, 1829.
- Brower B.C.* Just war and Jihad in French conquest of Algeria // Just Wars, Holy Wars, and Jihads: Christian, Jewish, and Muslim encounters and exchanges / Ed. by Sohail L. Hashmi. N.-Y.: Oxford University Press, 2012. P. 221-245.
- Clancy-Smith J. A.* Rebel and Saint Muslim Notables, Populist Protest, Colonial Encounters (Algeria and Tunisia, 1800-1904). Berkeley: University of California press, 1994.
- Collection des actes du gouvernement depuis l'occupation d'Alger jusqu'au 1er octobre 1834. Paris: Imprimerie Roayale, 1843.
- Fiori H.* Bibliographie des ouvrages imprimés à Alger de 1830 à 1850. Genève: Slatkine Reprints, 1998.
- Gallois W.A* History of Violence in the Early Algerian Colony. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013.
- Gheziel A.* Trois réactions « algériennes » sur l'avenir de l'Algérie, 1830-1834 // *Insaniyat*. Revue algérienne d'anthropologie et de sciences sociales. Julliet-Décembre 2014. NN 65-66: Algérie 1962. P. 187-210. URL: <https://insaniyat.revues.org/14862>
- Hanley W.* The genesis of Napoleonic propaganda, 1796-1799. E-book. Columbia University press. URL: <http://www.gutenberg-e.org/haw01/index.html>
- Laurens H.* Orientales I. Autour de l'expédition d'Égypte. Paris: CNRS Éditions (Coll. Moyen-Orient), 2004
- Le rapport du Marquis de Clermont Tonnerre, ministre de la Guerre sur une expédition à Alger (1827). Extrait de la Revue Africaine (N 340-341 – 3e et 4e trimestres 1929). Alger: Jules Carbonel, 1929.
- Marchioni J.* Boutin: pionnier de l'Algérie française, le «Lawrence» de Napoléon, espion à Alger et en Orient: essai biographique. Nice: J. Gandini, 2007.
- Montagnon P.* L'armée d'Afrique: de 1830 à l'indépendance de l'Algérie. Paris: Pygmalion, 2012.
- Napoleon Bonaparte.* Correspondence générale. Vol. 2. Paris: Fayard, 2005.
- Nettement A.* Histoire de la conquête d'Alger; écrite sur des documents inédits et authentiques, suivie du Tableau de la conquête de l'Algérie. Paris: Jacques Lecoffre et Cie, 1856.

- Perrot A.-M.* La conquête d'Alger, ou Relation de la campagne d'Afrique. Paris: H. Langlois fils, 1830.
- Pichon L.-A.* Alger sous la domination française, son état présent et son avenir. Paris: T. Barrois et B. Duprat, 1833.
- Procès-verbaux et rapports de la Commission nommée par le Roi, le 7 juillet 1833, pour aller recueillir en Afrique tous les faits propres à éclairer le gouvernement sur l'état du pays et sur les mesures que réclame son avenir. Paris: Imprimerie Royale, 1834.
- Proclamation en arabe adressée par le Général Bourmont, général en chef de l'expédition, aux habitants de la ville d'Alger et des tribus en juin 1830/ Tr. par M. Bresnie // *Revue Africaine. Bulletin de la Société Historique Algérienne.* 1862. № 32. P. 150-156.
- Rozet C.A.* Relation de la guerre d'Afrique pendant les années 1830 et 1831. Paris: Firmin Didot Frères, 1832.
- Ruedy J.* Modern Algeria. Bloomington: Indiana University Press, 1992.
- Sessions J.E.* By Sword and Plow: France and the Conquest of Algeria. Ithaca (N.-Y.): Cornell University press, 2011.
- Thomson A.* Barbary and enlightenment. European attitudes towards the Maghreb in the 18th century. Leiden, New-York: Brill, 1987.
- Wassef S.A.* L'information et le presse officielle en Égypte. Caire: Institut Français d'Archéologie Orientale du Caire, 1975.
- 'Абд Ар-Рахман Ал-Джабарти. Египет в период экспедиции Бонапарта (1798-1801) / Перевод, предисловие и примечания И.М. Фильштинского. М.: Издательство восточной литературы, 1962. ['Abd Ar-Rahman Al-Dzhabarti. Egipet v period jekspedicii Bonaparta (1798-1801) / Pervod, predislovie i primechanija I.M. Fil'shtinskogo. Moskva: Izdatelstvo vostochnoj literatury, 1962].
- Видясова М.Ф.* Социальные структуры доколониального Магриба. Генезис и типология. М.: Наука, 1987. [Vidjasova M.F. Social'nye struktury dokolonial'nogo Magriba. Genezis i tipologija. Moskva: Nauka, 1987].
- Дьяков Н.Н.* Мусульманский Магриб. Шерифы, тарикаты, марабуты в истории Северной Африки. Средние века, новое время. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2008. [D'jakov N.N. Musul'manskij Magrib. Sherify, tarikaty, marabuty v istorii Severnoj Afriki. Srednie veka, novoe vremja». Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2008].

- История Алжира в новое и новейшее время / Ред. А.М. Васильев. М.: Наука, 1992. [Istorija Alzhira v novoe i novejshee vremja / Ed. A.M. Vasilyev. Moskva: Nauka, 1992].
- Кириллина С.А. Исламские институты Османского Египта в XVIII – первой трети XIX века. Lewiston; Queenston; Lampeter: The Edwin Mellen Press, 2000. [Kirillina S.A. Islamskie instituty Osmanskogo Egipta v XVIII – pervoj treti XIX veka. Lewiston; Queenston; Lampeter: The Edwin Mellen Press, 2000].
- Прусская Е.А. Антифранцузское движение протеста в Египте 1798-1801 гг. // Французский ежегодник 2016: Протестные движения в эпоху Французской революции и первой империи. М.: ИВИ РАН, 2016. С. 125-144. [Prusskaya E.A. Antifrancuzskoe dvizhenie protesta v Egipte 1798-1801 gg. // Francuzskij ezhegodnik 2016: Protestnyye dvizheniya v ehposhu Francuzskoj revolyucii i pervoj imperii. Moskva: IVI RAN, 2016. S. 125-144].
- Прусская Е.А. Французская экспедиция в Египет: взаимное восприятие двух цивилизаций. М.: Политическая энциклопедия, 2016. [Prusskaya E.A. Francuzskaja jekspedicija v Egipt: vzaimnoe vosprijatie dvuh civilizacij. Moskva: Politicheskaya encyklopediya, 2016].

Evgeniya A. Prusskaya

THIRTY YEARS LATER: EXPERIENCE OF THE FRENCH EXPEDITION TO EGYPT (1798-1801) AND INVASION TO ALGERIA IN 1830

The article is dedicated to the parallels between the Egyptian campaign of Napoleon Bonaparte (1798-1801) and the French invasion to Algeria in 1830, to the comparison of French policy in Egypt and Algeria. The study shows how the experience of the Egyptian campaign was rethought during the African campaign. By analyzing the administrative and religious policies of the French administration and their propaganda, the author comes to the conclusion that both campaigns were inextricably linked: both of them were the result of the development of the Enlightenment ideas of the civilization superiority of Europe. The Egyptian campaign in a certain way served as a matrix for the invasion to Algeria in 1830, although not all of its experience was adopted and even could be adopted because of different political circumstances and the specifics of the objects of the conquest.

Keywords: French expedition to Egypt 1798-1801, invasion to Algeria in 1830, Algerian question, colonialism